

Он развернулся и ушёл в душ, оставив Се Боюаня сидеть в оцепенении на месте. Тому всё ещё казалось, что он ощущает жар тела Шэнь Чуня после тренировки, и сердце его пылало.

Оказывается, это был не сон. Какой же он проказник.

Маленький негодяй.

Се Боюань проглотил таблетку от похмелья — головная боль немного отпустила, но стоило ему взглянуть в сторону ванной и услышать доносящиеся оттуда звуки, как он не находил себе места.

Ему редко когда было о чём волноваться — какие бы трудности ни вставали на пути, стоило лишь взяться за дело, и они постепенно разрешались. Но чувства — это совсем другое: их не распутать, не разрубить, словно в его всегда чётко работающий мозг вдруг залили кашу.

Прошлая ночь была не сном. Они действительно целовались. Глаза Шэнь Чуня и правда были прекрасны, а губы — такими мягкими... Се Боюань потёр переносицу, решив, что не стоит думать об этом с утра пораньше, иначе не избежать душевного смятения.

Но какие же теперь между ними отношения? Любовники?

Дверь ванной открылась, и Се Боюань инстинктивно выпрямился. Увидев выходящего и вытирающего волосы Шэнь Чуня, он невольно сглотнул.

Водяной пар был горячим — казалось, он всегда делает кожу более нежной, а губы юноши — ещё более алыми, а зубы — белыми.

Взгляд Шэнь Чуня скользнул по неестественно напряжённой позе Се Боюаня, и в глазах его мелькнула усмешка. Он самым обычным образом вытер волосы, взял фен, высушил их, а затем прямо на глазах у Се Боюаня естественно снял верхнюю одежду, чтобы переодеться в уличную. Открывшаяся кожа заставила Се Боюаня инстинктивно отвернуться, но он тут же подумал, что отворачиваться не обязательно. Однако, заметив, что Шэнь Чунь переодевается, спросил:

— Ты выходишь?

— Позавтракать, а потом на пары.

— Шэнь Чунь опустил подол рубашки и начал снимать штаны.

Взгляду Се Боюаня снова некуда было деться. Он не хотел казаться похотливым, но он правда любил этого человека.

Если они действительно будут вместе, он будет относиться к нему очень хорошо. Но сейчас он всё ещё не мог определить характер их отношений — ведь так много людей, даже переспав, наутро остаются чужими.

Слова вертелись на языке, но произнести их было трудно; каждый раз, когда он проглатывал их обратно, у Се Боюаня было такое чувство, будто внутренности сгорают от тоски.

— Председатель не будет переодеваться?

— Шэнь Чунь, глядя в зеркало, кое-как пригладил волосы и, повернувшись к Се Боюаню, вопросительно поднял бровь.

Се Боюань удивился:

— Что?

— Завтракать же.

— Шэнь Чунь подошёл к нему и сел рядом; кровать слегка качнулась, а его рука уже бесцеремонно ущипнула Се Боюаня за щёку.

— Председатель сегодня как будто во сне бродит. Неужели ещё не протрезвел?

От него пахло ванными принадлежностями: гель для душа был мужским, запах лёгкий и приятный. Се Боюань сидел, выпрямив спину до скрипа. Мало кто подходил к нему так близко, и он всегда терпеть не мог, когда его трогали без разрешения. Но Шэнь Чунь — другое дело. Се Боюань понял, что ему нравятся и он ждёт его прикосновений.

— Тебе нравятся мужчины?

— спросил Се Боюань, глядя на него, но не сбрасывая его бесцеремонную руку.

— Станный вопрос вы задаёте, председатель.

— Шэнь Чунь убрал руку, скрестил ноги и усмехнулся.

— Неужели после вчерашнего поцелуя вы сегодня хотите всё отрицать?

Се Боюань, конечно, не имел этого в виду. Ему просто было трудно определить чувства Шэнь Чуня, а в большинстве случаев он даже не мог уловить смену его настроения. Тот был моложе, но в делах и манерах намного взрослее своих сверстников.

— Нет.

— Вот именно. Вчера вы могли не признавать, но и сегодня утром мы целовались. Это уже не отвертишь.

— Шэнь Чунь опёрся одной рукой на кровать и медленно приблизился к нему.

Его губы, всегда тронутые лёгкой улыбкой, приближались, и сердце Се Боюаня забилось чаще. Он чувствовал, что такая поза неправильна, но, вытянув шею, ждал, когда на него опустятся уже знакомые прикосновения.

— М-м... Председатель вчера пил, наверное, байцзю.

— Шэнь Чунь пошевелил носом и сказал.

Се Боюань резко открыл глаза и, увидев лицо напротив, вскочил и торопливо бросил:

— Я пойду чистить зубы.

Он поспешно вышел, а Шэнь Чунь лишь усмехнулся. Се Боюань — человек на самом деле очень простой. Если кто-то попадал в круг его внимания, а тем более в сердце, он раскрывался, а к тем, кто не попадал, относился с холодом.

Неужели он так переживает за свой образ в глазах возлюбленного? М-да... это даже забавно.

Шэнь Чунь встал и пошёл за ним. Открыв прикрытую дверь, он прислонился к косяку и смотрел, как Се Боюань чистит зубы — вся паста пеной. В его улыбке появилась тень озорства:

— Председатель, вы собрались почистить зубы, а потом снова целоваться?

Се Боюань, всё ещё удивлённый его появлением, при этих словах не сдержался и поперхнулся зубной пастой, закашлявшись так, что чуть не задохнулся.

— Ты в порядке?

— Шэнь Чунь подошёл и похлопал его по спине.

— Ладно, ладно, не буду больше шутить с тобой, председатель. Чисти зубы быстрее.

Се Боюань отпил несколько глотков воды, прогоняя кашель. Хотя Шэнь Чунь больше не проказничал рядом, ему всё равно казалось, что в самом акте чистки зубов появился какой-то трудно объяснимый смысл, хотя изначально он действительно думал именно об этом.

Вроде бы он старше, но его всё время водят за нос. Впрочем, Шэнь Чунь младше, и он должен больше ему уступать. В три года — одна пропасть поколений, хорошо, что между ними только два года.

— [Хозяин так силен — сразу заполучил его] — похвалила 521 система.

— [В три года — пропасть, а между нами — десятки тысяч Марианских впадин] — усмехнулся Шэнь Чунь. [Он такой наивный — так и должно быть.]

А 521 система считала, что возраст тут ни при чём: [Но Хозяин всегда восемнадцать лет!]

Как хорошая система, она обязательно должна хвалить хозяина.

Шэнь Чунь действительно прищурился и улыбнулся: [Сладко говоришь, у кого научилась?]

— [У Хозяина] — сказала 521 система.

— [Ученик, достойный учителя.]

Система 521 мысленно сжала кулак. Говорят: какой хозяин, такая и вещь. Если она последует за своим хозяином, то однажды обязательно станет такой же крутой системой, как та, что была у него раньше!

Когда Се Боюань вышел, Шэнь Чунь стоял, прислонившись к столу, и смотрел в телефон. Се Боюань подошёл к шкафу переодеться, но взгляд его невольно задержался на Шэнь Чуне. Если подумать, с его прошлой проверки прошло не так много времени — когда же этот человек его полюбил?

Се Боюань застёгивал пуговицы одну за другой и, скосив глаза, заметил, что Шэнь Чунь даже не поднял головы. Полная противоположность его собственному поведению, когда он хотел, но не мог смотреть. Неужели у Шэнь Чуня нет к нему притяжения?

Взгляд Се Боюаня стал несколько раздражённым, но когда он присмотрелся внимательнее, то заметил, что Шэнь Чунь, до этого опускавший голову, вдруг поджал губы и посмотрел на него.

Шэнь Чунь, конечно же, заметил его действия, включая и прошлое намеренное испытание. Надо сказать, что этот так называемый холодный школьный бог любви вовсе не был холодным, а скорее скрытным.

— Председатель, не смотри на меня, когда одеваешься. Рано утром у всех кровь кипит — может случиться беда.

Се Боюань замер, лицо его почему-то запылало. Он отвернулся, чувствуя себя немного глупо, и ему показалось, что воротник жмёт.

Они вышли вместе, вместе позавтракали. Люди смотрели на них, возможно, как на друзей, но это было не так. Се Боюань впервые испытал, какое это наслаждение — сидеть напротив любимого человека и есть с ним за одним столом.

Утренний свет был тёплым, совсем не палил. Шэнь Чунь смотрел на идущего рядом человека; тёплые лучи словно окаймляли его золотом, и даже всегда холодное лицо будто окрасилось в тёплые тона. Напряжённые уголки губ сами собой едва приподнялись — пусть всего на мгновение, но этого было достаточно, чтобы захватить дух.

Шэнь Чунь оглядел проходящих студентов, затем, посмотрев по сторонам, потянул Се Боюаня за руку в обход рощицы и одного учебного корпуса. Когда взгляд Се Боюаня стал совсем недоумённым, он наклонился и поцеловал его в губы.

Поцелуй был неглубоким, очень нежным, но щёки Се Боюаня вспыхнули, и он, не в силах сдержаться, обнял Шэнь Чуня за талию.

Когда их губы разомкнулись, Се Боюань глубоко вздохнул и, глядя на Шэнь Чуня, спросил:

— Почему вдруг здесь? Что, если нас увидят?

— Просто мне показалось, что председатель, когда улыбается, выглядит очень красиво.

— Шэнь Чунь провёл пальцем по уголку его рта и усмехнулся.

— А если увидят — значит, увидят. Это же не что-то постыдное.

Се Боюань был удивлён, но такая бесстрашная позиция согрела ему душу.

— Ты не боишься, что узнают твои родители?

— Я уже признался им в каминг-ауте на Праздник середины осени.

— Шэнь Чунь, глядя на его широко распахнутые глаза, улыбнулся.

— Не волнуйтесь, председатель.

Се Боюань был действительно потрясён:

— Ты признался родителям? Они тебя не били?

Он хотел проверить, но Шэнь Чунь удержал его руку и, смеясь, сказал:

— Председатель, вы же утром всё видели. Разве не понятно, били меня или нет? Если хотите воспользоваться моментом, сделайте это вечером. Сейчас, если нас заметят, будет не до шуток.

Он говорил об этом так легко, будто ничего не случилось, а у Се Боюаня лицо горело огнём.

— Я не это имел в виду.

— Хорошо, я знаю. Спасибо, председатель, что проводили меня на пары. Ждите меня на обед.

— Шэнь Чунь естественно поцеловал его в щёку и очень элегантно ушёл.

Солнечный свет пробивался сквозь тени деревьев, было ещё сумрачно, но человек среди рощи казался прекрасным до невозможности. Се Боюань с трудом мог описать свои чувства.

Он, хоть и молодой, со стороны кажется ветреным, но на самом деле очень серьёзен.

Вот только... почему он всегда оказывается тем, кого целуют?

Глава 14: Школьный бог любви — сверхвысокий холод (14)

Нельзя же всё время позволять малышу проявлять инициативу — думал Се Боюань, глядя вслед исчезнувшему Шэнь Чуню.

Находясь в любовных отношениях, Се Боюань ещё острее ощущал внимание окружающих к Шэнь Чуню. Он не то чтобы намеренно привлекал взгляды, но Се Боюаню казалось, что его любимый — как огромное мороженое в пустыне, каждый норовит откусить кусочек. И при этом он сам никак не может остудить свой пыл.

— Если бы ты выглядел не так хорошо.

— Се Боюань перебирал коробки с лунными пряниками.

Столько пряников, неизвестно от кого, они точно не съедят. Выбросить нельзя, подарить кому-то — тоже. Остаётся только всё пожертвовать.

— М? Председатель ревнует?

— Шэнь Чунь подавал ему коробки и улыбался.

Кончики ушей Се Боюаня покраснели, но он ответил:

— Тебя любит слишком много людей.

— Но я люблю только председателя.

— совершенно естественно подхватил Шэнь Чунь.

Сердце Се Боюаня тут же забилося чаще. Он поднял голову, взглянул на невинное лицо Шэнь Чуня и подумал, что тот, кажется, намеренно его дразнит. Но, глядя так, вроде бы и нет.

Он не хотел казаться мелочным, но и не желал, чтобы его любимого человека так откровенно желали. От этого в душе зарождалась тревога.

— Ты не понимаешь.

— Я понимаю.

— Шэнь Чунь вытащил из груды подарков одну коробку с лунными пряниками и положил перед Се Боюанем. Лёгкая улыбка с его лица исчезла.

— Председателя тоже любят многие. Вот эту коробку пряников принёс один парень, когда я возвращался в общежитие. Он хотел подарить её тебе, но из-за того, что дверь была заперта, передал через меня. Между прочим, тот парень был довольно милый и симпатичный...

В его голосе послышалась лёгкая обида, но на душе у Се Боюаня вдруг стало спокойнее. Оказывается, этот маленький негодяй тоже умеет ревновать.

— Я даже не помню, кто это был. Оставил только ту коробку, что подарил ты.

Шэнь Чунь усмехнулся, сел на край стола и протянул руку:

— А где мои пряники?

— Ты же не любишь сладкое...

— Се Боюань запнулся.

— Я тебе потом куплю.

— Не надо, я не люблю сладкое. Я могу съесть твои.

— Шэнь Чунь взял коробку и, достав один пряник, надкусил его, держа в губах, и повернулся к Се Боюаню в знак предложения.

Пряник был с румяной корочкой, слегка подрагивал на губах Шэнь Чуня. Се Боюань понял его намёк, кадык его дёрнулся, и он, наклонившись, надкусил с другой стороны.

В такие моменты разделение еды — самое интимное. Расстояние было крошечным, казалось, можно ощутить дыхание друг друга. Лицо Се Боюаня пылало, сердце — тоже. Надкушенный пряник упал на руку Шэнь Чуню, и в этот миг Се Боюаню почудилось, будто его околдовали: он, не в силах сдержаться, обнял Шэнь Чуня и поцеловал.

Поцелуй был неумелым — явно без практического опыта, но достаточно страстным. У Шэнь Чуня опыта тоже не было, но он учился быстро. Лёгкого намёка хватило, чтобы вызвать у партнёра полную отдачу.

Заставить холодного человека стать импульсивным и чувственным — это приносит огромное удовлетворение.

Хотя его собственные чувства были приглушены, ощущение, что тебя глубоко любят, было, кажется, неплохим. В определённые моменты это даже могло разжечь кровь.

Неудивительно, что так много людей любят влюбляться.

Поцелуй закончился, к Се Боюаню вернулся рассудок, и он сам удивился своей внезапной горячности.

— Прости.

Ему просто было трудно сдержать охватившее его тогда волнение.

— Это были самые вкусные лунные пряники, которые я когда-либо пробовал.

— Шэнь Чунь поднял пряник и улыбнулся.

— Очень сладко.

На месте их надкусов виднелась начинка: кусочки зелёных и красных нитей, перемешанные со всякой всячиной. Взгляд Се Боюаня остановился на прянике.

— Пятиореховый?

В наши дни редко кто дарит пятиореховые пряники.

— Я люблю пятиореховые. Мне кажется, в них тот самый вкус из детства.

— Шэнь Чунь откусил ещё кусочек и слегка поморщился.

— Правда, слишком сладко.

Слишком много сахара — это верный путь к ускоренному старению.

Сохранять опрятную внешность — это основа для поддержания любовных отношений. Шэнь Чунь понимал это лучше всех.

— Давай я доем.

— Се Боюань взял пряник. В его глазах промелькнула лёгкая ностальгия. На самом деле для него пряники тоже были слишком сладкими, но он ел не просто вкус. Он ел то самое ощущение из детства.

Без всей сегодняшней мишуры. Тогда было просто, обыденно, тепло.

Тот пряник не пропал, но даже Се Боюаню пришлось запивать его водой, настолько он был приторным. Чужие подарки были пожертвованы, а вот пряники, подаренные Шэнь Чунем, Се Боюань берёт как зеницу ока.

То, что его подарок так ценят, очень радовало Шэнь Чуня.

Как только закончился адаптационный период первокурсников, нагрузка по учёбе стала расти. В организационном отделе было много работы, но Шэнь Чунь не испытывал от этого особых трудностей. Се Боюань хотел помочь, но обнаружил, что его младший возлюбленный отлично справляется со всем сам. Нужна была только небольшая помощь с физической работой.

Но Шэнь Чунь был популярен. Когда он организовывал какие-нибудь мероприятия, ему не нужно было особо рекламировать — достаточно было скинуть сообщение в групповой чат, и народ сам выстраивался в очередь, чтобы помочь.

— Хорошая внешность — это преимущество, — вздохнул парень из организационного отдела, таская столы и глядя на оживлённую сцену вокруг Шэнь Чуня.

— Даже старшекурсницы из отдела культуры пришли помогать.

— Вот именно...

— Шэнь Чунь в прошлый раз помог отделу культуры со сценарием, — поправил данные для мероприятия Сюй Цзэ.

— Можно сказать, взаимовыручка.

<http://bllate.org/book/15476/2151235>